

Чу Чу перевёл дух, сжигая ритуальные деньги, и бормотал себе под нос:

— Гуань Ся, хоть мы и не были близки при жизни, но всё же знакомы. Тебе стало невыносимо, и ты ушёл, мне тоже тяжело. Не знаю, какие невзгоды тебя одолели, но надеюсь, что после смерти ты забудешь все мирские заботы, станешь вольным призраком и на суде у Владыки Ямы покажешь себя с лучшей стороны, чтобы переродиться в богатой и знатной семье.

Крошечные язычки пламени казались особенно хрупкими в полумраке. Бумажные деньги вспыхивали и обращались в пепел, отчего в глубине ночи становилось ещё безотраднее.

Ци Чжэн слушал бормотание Чу Чу, и взгляд его был беспокоен. Он так и не смог понять побуждений Гуань Ся, но смерть всё покрывает. Что бы ни было прежде, он сказал искренне:

— Гуань Ся, желаю тебе в следующей жизни лёгкой доли и радости.

Чу Чу снова заговорил:

— Говорят, ты сгинул от несчастной любви. Надеюсь, в новом рождении встретишь девушку, которую полюбишь и которая полюбит тебя. Будете неразлучны, счастливы всю жизнь, нарожаете кучу ребятишек и свершите всё, что не успели в нынешней жизни.

Услышав это, Ци Чжэн дрогнул губами, но промолчал. Он и всё так же безмолвный Цао Цзинсин стояли рядом, наблюдая, как Чу Чу, присев на корточки, потихоньку сжигает бумажные деньги.

Когда огонь уже почти погас, обычно молчаливый Цао Цзинсин неожиданно произнёс:

— Счастливого пути.

— Ш-ш-ш...

Ветер внезапно усилился, разом задув дрожащие свечи и догорающие деньги. Перед корпусом воцарилась тьма, лишь тускло мерцали уличные фонари.

Чу Чу, нахмурился, посмотрел на последний клочок бумаги в руке, поднял голову и сказал Ци Чжэну:

— Ци Чжэн, дай зажигалку.

— Ладно, — отозвался Ци Чжэн, запуская руку в карман брюк. Пальцы едва коснулись пластикового корпуса, как он вдруг замер.

В скудном свете он отчётливо увидел в нескольких шагах от себя человеческую фигуру, неподвижно застывшую. Тот стоял лицом к троице, медленно протянул руку и стал гладить пепел от сожжённых денег, а во взгляде его была пустота.

У Ци Чжэна в голове вдруг прояснилось. Он остолбенело смотрел на него. Гуань Ся выглядел точно так же, как перед смертью: футболка, длинные брюки, чёлка, падавшая на глаза. Он потрогал пепел, собрал деньги, что для него сожгли, повернулся и спокойно встретился взглядом с Ци Чжэном.

Порывистый северный ветер проносился сквозь его полупрозрачное тело, словно сквозь дымку или туман, неосязаемый и бесплотный. Он простоял так мгновение, потом внезапно шевельнул губами и беззвучно произнёс три слова.

Ци Чжэн, не понимая, смотрел на него. Он видел лишь движение губ, но не слышал звука и ничего не мог разобрать.

Время истекло. Гуань Ся мог оставаться здесь лишь четверть часа. Самоубийцы после смерти попадают в Город Несправедливой Кончины, где скитаются десятки лет, пока не истечёт отмеренный им земной срок, а затем низвергаются в мир животных, перерождаясь в мышей, чтобы их топтали, но при этом они сохраняют память о человеческой жизни — такова кара.

Он ещё немного постоял на месте, поднял голову, взглянул на крышу корпуса, откуда шагнул вниз при жизни, и затем, словно утренний туман, стал медленно растворяться в воздухе, пока не исчез из виду Ци Чжэна.

— Ци Чжэн?! — Чу Чу, удивлённый внезапной неподвижностью товарища, повысил голос.

Ци Чжэн резко очнулся, с изумлением глянул на Чу Чу, поспешно вытащил зажигалку и протянул ему. Он задумался, потом посмотрел на Цао Цзинсина и спросил с робкой надеждой в голосе:

— Ты... ты видел Гуань Ся?

Цао Цзинсин повернул к нему голову и с недоумением переспросил:

— Призрак Гуань Ся?

Ци Чжэн молча кивнул. Цао Цзинсин покачал головой и честно ответил:

— Нет, не видел.

— Чу Чу, а ты видел Гуань Ся? — Ци Чжэн резко повернулся к Чу Чу.

Услышав это, Чу Чу вздрогнул так, что чуть не обжёг палец, и воскликнул:

— Ё-моё, ты что, специально пугаешь? С чего бы мне его видеть?

На горизонте вдруг грянул гром, оглушительный раскат, словно некое чудовище проходило

небесную кару. Сине-лиловая молния рассекла небосвод, грохот был столь могуч, будто небо и земля готовы расколоться. Зимние раскаты, и Ци Чжэн, не говоря ни слова, взглянул на Цао Цзинсина, горько усмехнулся, и в глазах его отразилась вся горечь:

— Значит, только я один видел. Выходит, он и вправду из-за меня погиб.

Цао Цзинсин взял Ци Чжэна за руку, и его низкий голос прозвучал успокаивающе:

— Не заикливайся на этом.

Тем временем Чу Чу дожёг деньги, и говорить больше было не о чём. Они постояли молча, а затем вместе отправились обратно.

По пути Чу Чу всё ещё ворчал, строя догадки, что же заставило Гуань Ся свести счёты с жизнью. Ци Чжэн же всё это время хмурился, не проронив ни слова.

Вернувшись в общежитие, Ци Чжэн лёг на кровать и уставился в потолок, а Цао Цзинсин, не нарушая тишины, сел на пол, прислонившись к краю койки, и стал листать лежащий на коленях блокнот.

В комнате воцарилась тишина. Спустя некоторое время Ци Чжэн, словно приняв решение, произнёс, будто обращаясь к себе, но в то же время давая отчёт Цао Цзинсину:

— Не волнуйся, я не настолько великодушен. Смерть Гуань Ся вызывает у меня чувство вины, но я не считаю себя полностью ответственным за неё. У него были свои причины, и я не настолько глуп, чтобы воображать себя великим грешником.

Цао Цзинсин оторвал взгляд от страницы. Слова Ци Чжэна прозвучали в комнате, но в них слышалась неуверенность. Он тихо усмехнулся и одобрительно сказал:

— Рад, что ты так решил.

Однако в душе Ци Чжэна оставался неразрешённый вопрос: что же Гуань Ся хотел сказать ему в последний миг? На последнем слове губы Гуань Ся остались раскрытыми, значит, это не могло быть слово «тебя». Стало быть, это не «Я люблю тебя». Что же ещё он мог сказать?

Ци Чжэн перевернулся на бок. В голове у него был полный хаос.

Тем временем Цао Цзинсин с лёгким шумом захлопнул книгу, встал, подошёл к выключателю и тихо сказал:

— Выключаю свет.

— Ага, — отозвался Ци Чжэн.

Щелчок — и комната погрузилась во тьму.

Цао Цзинсин босиком прошёл по полу, его шаги были почти бесшумны, словно у зверя. И всё же Ци Чжэн, к собственному удивлению, мог отчётливо ощущать его присутствие. Вскоре кровать слегка качнулась — Цао Цзинсин забрался на верхний ярус. Ци Чжэн вздохнул, закрыл глаза и тоже погрузился в сон.

Среди ночи Ци Чжэн беспокойно зашевелился, руки и ноги казались скованными. С трудом открыв глаза, он увидел безмятежное лицо спящего Цао Цзинсина. Рука того лежала на Ци Чжэне, словно обнимая его. Ци Чжэн мельком взглянул и снова закрыл глаза, сонно подумав, что старая привычка Цао Цзинсина никуда не делась. Но он всё же остался, потому что беспокоился о нём. Ци Чжэн перевернулся, прижался к груди Цао Цзинсина и снова погрузился в дрему.

На следующее утро Ци Чжэн встал пораньше, сходил за завтраком и, вернувшись в комнату, увидел, как Цао Цзинсин, всё ещё сонный, поднимается с его кровати. Заметив вошедшего, тот с виноватым видом поспешил сказать:

— Прости.

Ци Чжэн не придавал этому значения, поставил пакет с едой на стол, размял плечи и сказал:

— Я уже почти привык. Вставай, завтракать будем.

Цао Цзинсин, босой, стоя на полу, улыбнулся:

— Я тебе не помешал?

Ци Чжэн неопределённо хмыкнул:

— Может, нам стоит заменить кровати на татами, чтобы тебе не приходилось по ночам шастать.

— Неплохая мысль, — искренне согласился Цао Цзинсин, и по выражению его лица было не понять, шутит он или говорит всерьёз.

Ци Чжэн фыркнул:

— Говоришь, будто это возможно.

Позавтракав, они разошлись — сегодня были выходные, но Цао Цзинсину всё равно нужно было помогать научруку проверять работы студентов, и он ушёл первым.

Ци Чжэн, ленившийся последние несколько месяцев, осознал, что деньги, заработанные на прошлом заказе, почти закончились. Ему пришлось снова начать принимать заказы на

консультации по фэншуй.

<http://bllate.org/book/15406/1361897>